

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

Если собираетесь кого-нибудь
полюбить, научитесь сначала про-
щать.

Александр Валентинович Вампилов

Больше всего Ирина не любила вечернее время после ужина, когда муж и дочь уходят из кухни, ссылаясь на неотложные дела и оставляя ее с горой грязной посуды в мойке. Не любила, но смирялась. Она ж не баба-злыдня, вечно всем недовольная, она обычная женщина, каких много. И оставаться на кухне после ужина один на один с посудой для многих — привычное дело. Да что там говорить! Никому и в голову не приходит сетовать на эти бытовые обстоятельства, на это течение женской жизни, повседневное и привычное. И она чем лучше других?

Но Вика все же могла бы помочь матери. Сама бы догадалась хоть раз. Правильно Лева говорит — разбаловали дочь, теперь обратно в подходящие времена для воспитания не запи-хаешь. Как там по-умному говорится? Воспитывать надо, когда поперек кровати лежит? Получается, сами и виноваты...

Нет, вообще-то Вика хорошая дочь, хлопот с ней особых нет. Учится прилично, читает много, матери и отцу не грубит, на том спасибо.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

У других посмотришь, что детки выделывают, да перекрестишься тайком — слава богу, моя не такая... Да, все было бы хорошо, если бы не история с тем парнем, с которым она встречалась! Надо было сразу эти встречи на корню уничтожить, а они слевой развели тогда демократию! Мол, девочке шестнадцать лет, ей запретить уже ничего нельзя, только хуже можно сделать... И вот результат! Парень этот, Юра, в колонию попал! Сунулся в какую-то драку, получил по полной программе за нанесение телесных повреждений средней тяжести. Другие участники той драки условными сроками отделались, а Юра свое получил. И все потому, что заступиться за него было некому, то есть денег на адвоката мать не нашла. Еще бы она нашла, если пьет! С виду такая приличная женщина, а пьет... Сама сколько раз ее под хмельком видела, потому как живет Юрина мать в их же подъезде, на первом этаже. А иногда и сильно под хмельком. Глаза мутные, улыбка расплывчатая по лицу гуляет. Ну что это такое, ей-богу? О сыне надо думать, а она... Так и получилось, что парень успел себе жизнь испортить, еще толком не повзрослев! Теперь наверняка у него все наперекосяк пойдет, когда из колонии вернется. Потому что опереться совсем не на кого. На мать-пьянчужку, что ли?

А как Вика рыдала, когда узнала, что Юру в колонию отправят! Так рыдала, будто боль-

Открытая дверь

шое непоправимое горе на ее голову свалилось. По-настоящему убивалась, словно взрослая женщина. И никакие уговоры не действовали... Потом успокоилась вроде, но ведь в душу ей не заглянешь, что там творится. Приходится только на воду дуть задним числом, на молоке обжегшись, да посмотреть, как бы она еще с каким хулиганьем не связалась! Хотя разве за ней углядишь? И даже если углядишь, все равно ничего не прикажешь, потому как не ребенок она уже...

Перебирая в голове мысли, Ирина и не заметила, как перемыла посуду. Ну вот и все, день к концу подошел... Обычный день, и вечер наступил обычный. Скоро по телевизору футбол закончится, и Лева придет на кухню, чаю попросит. И так же обычно она спросит Вику, приоткрыв дверь в ее комнату: «Будешь с нами чай пить?» И та ответит быстро и раздосадованно: «Нет, не хочу...» Потому что она своим вопросом наверняка ее от телефона оторвет, это уж к бабке не ходи, сюжет известен заранее.

А вот и Лева уже идет на кухню...

Нет, не Лева. Вика заглянула, проговорила быстро:

— Мам, я гулять!

— Да куда, куда гулять, Вика? — тут же всполошилась она, всплескивая руками. — Уже половина десятого! Какие могут быть гуляния? У тебя и уроки наверняка еще не все сделаны!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да все я давно сделала, мам! Я маленькая, что ли? Я не просто так ухожу, я честно предупреждаю, между прочим! Или ты хочешь, чтобы я еще и отпрашивалась? Ой, мамочка дорогая, можно мне выйти во двор ненадолго, я на качельке хочу покачаться? Так ты хочешь, да?

— Ну, не надо утрировать... Было бы неплохо, если бы и отпрашивалась!

— Ну, мам...

— Не мамкай! Скажи лучше, куда и с кем идешь? Я должна знать, мне так спокойнее будет!

— О господи... Ну сколько можно уже... — страдальчески протянула Вика, подняв глаза к потолку. — Ты же прекрасно знаешь, с кем я хожу гулять! С Сонькой! Она меня уже у подъезда ждет! И никуда мы конкретно не идем, просто так по улице прогуляемся... Нам поговорить надо... Ты же знаешь, у Соньки проблемы, ей поддержка сейчас нужна. Подруга я ей или кто?..

— Так позвала бы Соню к нам... Сиди и поддерживай ее! Я бы вам чаю в комнату принесла...

— Мы не хотим чаю, мам! Мы просто хотим погулять, вот и все! Воздухом подышать! Ну что ты ко мне пристала?

Лева из-за спины Вики проговорил насмешливо:

— Вы чего раскудахтались, девочки? Что такое случилось, а?

Открытая дверь

— Пап... — живенько обернулась к нему Вика, проговорила плаксиво: — Мама меня гулять не пускает! Ну хоть ты ей скажи, что я не маленькая.

— Нет, не маленькая. Взрослая совсем девица. Скоро замуж начнем отдавать. Ты как, не против будешь, если мы с матерью замуж тебя отдадим? Поищем человека приличного, кто твои капризы терпеть будет... Может, и найдется такой, а?

— Ну пап... Мне же не до шуток сейчас... Лучше скажи маме, чтобы она не вредничала!

— А ты считаешь, что она только из вредности тебя гулять не отпускает?

Не дождавшись ответа на вопрос, Лева тут же умчался в комнату на зов телевизионного комментатора. Даже не зов, а радостный крик. Видимо, кто-то кому-то гол забил, и Леве этот гол был важнее их нескончаемого спора.

— Да разве я сказала, что не пускаю тебя? — обиженно проговорила Ирина, всплеснув руками. — Я просто хочу знать, где ты гуляешь и с кем! Только и всего! По-моему, я имею на это право. Хватит с меня переживаний по поводу прошлых гуляний с Юрой!

— А вот о Юре не надо, мам... — тихо, но очень сердито проговорила Вика.

— Да почему же не надо, не понимаю? — не смогла остановиться Ирина. — Отныне у нас это запретная тема?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А я тебе сто раз говорила, почему не надо рассуждать о Юре, мамочка! И я не виновата, что ты меня не слышишь! Я ж объясняла тебе, что Юра ни в чем не виноват!

— Ага! Попал в колонию — и не виноват? И следователь был глупый, и судья глупый, да? Осудили безвинного?

— Да он же просто чужую вину на себя взял... Он добрый и благородный, а ты не понимаешь...

— Ой, все! Слышать больше этого не хочу! — отмахнулась Ирина, сердито поджав губы. — И говорить про твоего Юру тоже больше не хочу!

— И не говори, и не надо... Я тебя об этом и не просила, ты сама начала! И вообще... Разве так можно, мам? У человека беда, а ты... Будто злорадуешь...

— Да мне вообще все равно, что с этим Юрой происходит, Вика! Мне главное, чтобы ты перестала этими глупостями заниматься!

— Глупостями?! Для тебя все это глупости, да? Ну ты даешь, мам... Тогда я вот что тебе скажу, если так... Я Юру ждать буду, понятно? И письма ему буду писать! И он мне тоже... Только ты этих писем в нашем почтовом ящике не увидишь, не надейся, что можешь их мне не отдать. Мы с ним договорились, что он на другой адрес будет писать, вот! И я тебе не скажу, на какой адрес будут приходить письма!

Открытая дверь

— Ах, даже так...

— Да, мамочка. Вот так. А потом, когда Юра вернется, мы с ним...

— Все, хватит! Не продолжай, не надо! Я слышать этого не хочу! Тоже мне, декабристка юная нашлась! Из глубины сибирских руд храните гордое терпенье!

— Не слушай, твое дело... Когда Юра вернется, мне ведь уже восемнадцать исполнится.

— И что?!

— А ничего! Что слышала, мам!

Ирина даже не смогла ничего ответить — так вдруг зашлось обидой сердце. Хорошо, что в этот момент в кухню снова заглянул Лева, спросил насмешливо:

— Вы все еще спорите, девочки? Помощь судейская нужна? Мне пора вас по углам разводить, да?

— Лева, ну хоть ты ей скажи... — тихо произнесла Ирина, протягивая руки в сторону дочери. — С ней же просто невозможно стало нормально разговаривать...

— Да это с тобой, мам, невозможно нормально поговорить! Это ты меня не хочешь услышать! — запальчиво ответила Вика.

— Все, брейк! Разошлись по разным углам, все! Восстанавливаем дыхание, утираем кровавые носы! Ирина, остановись! Вика, не лезь в бутылку! Видишь ведь, что мать на взводе, и все равно доводишь ее до белого каления!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

И вообще... Ты вроде гулять собралась? Вот и иди себе...

— Так а я о чем? Это ж мама меня не пускает, будто я маленькая!

— Иди, иди... Там тебя Соня уже заждалась, наверное...

Вика хмыкнула, повернулась, быстро ушла в прихожую. Ирина последовала за ней, спрашивая на ходу:

— В котором часу ты вернешься? Слышишь меня, Вика?

Дочь молча натягивала на ноги кроссовки, пыхтела сердито. Лева, прислонившись к дверному косяку, задумчиво наблюдал за этой сценой.

— Ты что, не можешь ответить? Когда вернешься, я спрашиваю? — снова начала закипать Ирина.

Вика шагнула к двери и уже потянулась рукой к замку, когда в дверь позвонили.

— Ну вот, Сонька уже за мной пришла... — недовольно буркнула Вика, распахивая дверь, и застыла в удивлении.

За дверью была вовсе не Сонька. Там стояли незнакомые люди — женщина и мужчина довольно немолодого возраста. Мужчина крепко держал женщину под руку, так крепко, будто она собиралась хлопнуться в обморок и перевалиться грузноватым туловом через порог. И лицо у нее было такое... словно ей и впрямь

Открытая дверь

было плохо. И еще почему-то она очень странно смотрела на Вику, и губы у нее тряслись, и рука сильно дрожала.

Вика испуганно отступила на шаг, обернулась к родителям в недоумении — что это, кто это?

Лева и сам смотрел на эту странную пару озадаченно. Хотел спросить: «Может, вы дверью ошиблись?» Глянул на Ирину и не спросил. Понял вдруг — нет, не ошиблись.

Лицо Ирины было бледным и очень испуганным. Испуг перерос в недоумение и только потом — в открытую злость...

— Вика, ты же хотела идти! Иди, тебя Соня ждет! — произнесла Ирина довольно грубо и даже слегка подтолкнула дочь в спину. — Иди же, ну!

— Вика... Ее зовут Вика... Ты слышишь, Паша? — произнесла дрожащим слезливым голосом женщина, стоящая по ту сторону двери. — Какая девочка красивая выросла...

— Да, Аня, очень красивая... — эхом откликнулся мужчина, еще крепче подхватывая ее под руку.

— Боже, как же она похожа... Те же глаза, тот же лоб, взгляд тот же... Посмотри, Паша, посмотри, она же все крошечки подобрала... Это же копия Ромочки, чистая копия...

— Какого еще Ромочки? Вы кто вообще? Что происходит? — удивленно спросила Вика, снова оглядываясь на мать.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Та уже почти силой выпихнула ее через порог, проговорив сердито:

— Да ничего не происходит, иди, иди давай! Не видишь, люди дверью ошиблись? Сейчас мы все выясним, а ты иди... Тебя Соня давно ждет, ну? И лифт как раз на нашем этаже остановился! Иди!

Вика неохотно шагнула в открытые двери лифта, успев заметить, что пожилая женщина сделала невольное движение ей вслед, будто тоже хотела успеть проскочить в лифт, но мужчина держал ее довольно крепко. Двери лифта закрылись, и странная картинка исчезла. Вика тут же забыла о ней, вспомнив о Соньке, — сейчас наезжать на нее станет, что заставила так долго себя ждать! Да и эти двое... Наверное, точно дверью ошиблись. Ненормальные какие-то, ей-богу...

А «ненормальные» в этот момент несмело пытались рассмотреть Ирину, улыбались виновато и почти заискивающе. Мужчина хотел было спросить что-то, но Ирина упредила его злым вопросом:

— Что вам здесь надо, Павел Георгиевич? Анна Николаевна? Зачем вы?! Кто вас сюда звал? По какому праву вы...

— Ирина, погоди... Не надо с нами так, прошу тебя... — тихо проговорил мужчина, которого Ирина назвала Павлом Георгиевичем. — У Ани сердце больное, ей нельзя волноваться...

Открытая дверь

Мы так долго искали тебя, Ирина... Если б ты знала, как долго мы тебя искали!

— А зачем вы меня искали, Павел Георгиевич? — саркастически спросила Ирина, подходя ближе к двери. — Зачем я вам вдруг понадобилась, а? Почему вы вспомнили обо мне? Не прошло и восемнадцати лет, как вы обо мне вспомнили? Вам срочно моя дочь понадобилась, да? Зачем, скажите?

— Но она же наша внучка, Ирина... Кровиночка наша... Ты ж сама понимаешь...

— Ах, кровиночка, стало быть! Насколько я помню, вы эту кровиночку мне убить советовали в свое время, даже категорически на этом настаивали! А теперь, значит, передумали, да? Или ваш сынок Ромочка все-таки вспомнил, что у него где-то дочь растет?

— Нет, Ирина, он уже ничего не вспомнит... Нашего Ромочки больше нет... — тихо проговорила Анна Николаевна, опуская голову. — Наш сын умер три года назад... У нас теперь никого нет, совсем никого... Мы три года пытались тебя найти, Ирина, и вот... Ромочка нас просил, когда умирал, да мы и сами хотели...

— Извините, я не знала. Сочувствую вам... Что, Ромочка даже внуков вам не оставил?

— Нет. Не было у него в браке детей, Ирина. Так уж получилось. Теперь у нас только одна внучка... Твоя дочь... И Ромочкина дочь... Мы так долго ее искали...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ах, вот оно в чем дело! Искали, значит? Одинокой старости испугались, да? Вы ж Виду вообще не хотели! А теперь я вас не хочу. По-моему, это вполне справедливо звучит, вы не находите? И все, больше нам не о чем говорить, извините.

Ирина собралась было закрыть перед их носом дверь, но не успела — Анна Николаевна вдруг неловко начала заваливаться на бок, и Павел Георгиевич едва успел ухватить ее, смотрел беспомощно, повторяя тихой скороговоркой:

— Аня, Аня... Приди в себя, Аня... Не надо, ну что же ты... Держись, прошу тебя, Аня...

Лева быстро шагнул за дверь, подхватил Анну Николаевну с другой стороны, проговорил быстро:

— Надо ее положить на диван... Я вам помогу! Держите крепче, вот так...

Подняв голову, тут же скомандовал Ирине:

— Ну, чего ты стоишь? Быстро воды неси! И нашатырь! Видишь, человеку плохо? И освободи в гостиной диван, быстро!

После нашатыря, лежа на диване, Анна Николаевна пришла в себя, прошептала тихо:

— Спасибо вам, добрый человек... Вы муж Ирины, да? Простите, что столько хлопот вам доставили... Как вас зовут?

— Неважно, как его зовут... — не дала ответить Лева Ирина, стоящая в изголовье у Ан-